

Ю.Ю.Антропова, Т.Г. Кенинг
Екатеринбург

**ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Аннотация: В настоящей статье автор предлагает на основе ретроспективного изучения социально-демографических характеристик проанализировать развитие сельских населенных пунктов Свердловской области в настоящее время.

Ключевые слова: демографические характеристики, городское население, сельское население, миграционный поток, деформация брачно-возрастной структуры села, внутрирегиональная асимметрия развития.

Y.Y. Antropova, T.G. Kening
Ekaterinburg

**HISTORICAL ANALYSIS OF SOCIAL-DEMOGRAPHIC
DEVELOPMENT OF THE RURAL SETTLEMENTS OF THE
SVERDLOVSK REGION**

Abstract: In this article, the author offers on the basis of a retrospective study of the socio-demographic characteristics to analyze the development of rural areas of the Sverdlovsk region in the present.

Keywords: demographic characteristics, the urban population, rural population, migration flows, deformation of marriage and the age structure of the village, the development of intra-regional asymmetries.

По состоянию на 1 января 2011 г. на территории Свердловской области в сельской местности проживало 692,4 тыс. человек или 16,1% к общей численности населения. При этом, общее количество населенных пунктов составляло 1922, в том числе: городских населенных пунктов - 73, сельских населенных пунктов – 1849. Площадь земель, отнесенных к категории земель населенных пунктов, составила 677,7 тыс. га, в том числе городских населенных пунктов 364,7 тыс. га, сельских населенных пунктов – 313,0 тыс. га.

Как сложилось, что на 46,2% земель проживает всего 16,1% населения, когда, как на оставшихся 53,8% земель – 83,9% жителей региона? Что легло в основу такого существенного демографического перекоса в системе «город-село» с соответствующими социально-экономическими последствиями для Свердловской области? И возможно ли их преодолеть стандартными управленческими решениями – принятием областных целевых программ, финансовыми влияниями и пр. - без понимания истоков такого социального явления, как внутрирегиональная асимметрия развития?

Для этого необходим, на наш взгляд, исторический анализ социально-демографического развития Урала на протяжении XVIII – XX вв.

Развитие Урала имело свою специфику, связанную с особенностями функционирования горнозаводской семьи. Необходимо учитывать, что основными субъектами освоения возникшего в начале XVIII в. Уральского промышленного района (Указ Петра I о поисках руд и выборе мест для строительства заводов в Верхотурском и Тобольском уездах от 10 июня 1697 г. и Именной Указ Петра I Никите Демидову с разрешением строить заводы на Урале от 4 марта 1702 г.) выступали крестьяне, принесшие с собой собственную демографическую практику. Традиционная крестьянская семья послужила основой формирования горнозаводской семьи (специфического, по словам доктора географических наук Анимицы Е.Г., типа населения, а, по словам С.В. Голиковой – специфического участника исторического процесса в Уральском регионе).

Вместе с тем, промышленный труд на заводах, а затем развитие горной и металлургической промышленности (к 1880 г. уральские заводы давали 81% всего производимого в России чугуна и до 95% всей меди) внесли определенные коррективы в демографические характеристики уральской семьи, прежде всего, в изменение к началу XX в. типов воспроизводства населения. «В дореволюционный период население Урала заметно отличалось от населения европейской части России более высоким уровнем смертности и рождаемости» [5, с.47], что во многом объяснялось длительным сосуществованием аграрного и индустриального путей развития общества, оказавшим серьезное воздействие на демографическое поведение и демографические представления жителей.

«Горнозаводская культура взаимодействовала с другими культурами – русских крестьян старожилов и новопоселенцев, уральских казаков, православных и староверов, представителей иных конфессий, местных этических социумов» [1]. К началу XX в. на Урале широкое распространение получили межнациональные браки, подавляющая часть которых приходилась на русских, что повлекло за собой ассимиляцию культурных ценностей, изменение этнического самосознания, демографических представлений и массового демографического поведения у горнозаводского населения.

Подавляющая часть рабочих семей на Урале вплоть до середины 1920-х гг. жила в сельской местности. Крестьянство составляло на Урале в 1863 г. – 96,8%, в 1914 г. – 95,2% [5, с.55]. По данным переписи 1926 г., крестьянство составляло 79,3% от общей численности населения Урала (общая численность составляла 5379,0 тыс. чел.). Это обстоятельство имело чрезвычайно важное значение. Так как, с одной стороны, образ жизни рабочих семей, проживающих в сельской местности, был близок крестьянским семьям (в том числе по репродуктивному поведению), а с другой, значительная доля рабочих семей способствовала ускоренной урбанизации Урала, что привело в дальнейшем к ускоренным темпам снижения рождаемости.

Советом народных комиссаров РСФСР (СНК РСФСР) с 1927 г. Урал рассматривался как мощная промышленная база страны. В соответствии с «Генеральным планом хозяйства Урала на период 1927 – 1941 г.г. и перспективами первого пятилетия» (Свердловск, 1927 г.), отмечается исключительная роль Урала в экономике страны, региону предается особо ответственное народнохозяйственное значение как срединной индустриальной базы страны, Урал рассматривается как одна из важнейших сырьевых баз страны и основа ее индустриализации.

В связи с чем, приоритетной становится реализация Уралом общегосударственных целей и интересов страны, собственные интересы региона уходят в тень, семья при этом не могла стать объектом особого внимания государства. Коллективизация и предвоенные репрессии, в которые Свердловская область была активно вовлечена, сознательно были направлены на массовое уничтожение «буржуазной семьи» как таковой. Все это привело к дезорганизации семьи, снизило ее роль в воспитании детей, ускорило переход от многодетной к среднедетной и малодетной семье на Урале и привело в дальнейшем к многочисленным личным и семейным деструкциям, социальным деформациям.

В рамках административно-территориальных реформ, повлекших за собой изменение территориальной структуры Урала (1934, 1938, 1942), ускоренная индустриализация Урала, большой приток (организованный и стихийный) рабочей силы, вызвавший рост численности промышленного городского населения. Только, в соответствии с генеральным планом постройки заводов в Сталинском районе Свердловска (ныне Орджоникидзевский район, часть Кировского и часть Железнодорожного районов Екатеринбурга), было завербовано более 11 000 крестьян из Центрально Черноземного района и Поволжья для работы на таких заводах, как Уралмаш, Электромашина, Уралэлектротяжмаш, Турбомоторный и других.

Именно в этот период Урал начал переходить к индустриально-городскому обществу: тяжелой индустрии обязаны, по словам доктора географических наук Анимиды Е.Г., 4/5 всех новых уральских городов. За 1928 – 1932 гг. было построено около 150 крупных промышленных предприятий и начато строительство 80 новых промышленных объектов. По объемам капитальных вложений в новое строительство Урал занимал первое место среди основных экономических районов страны.

Движение населения из сельских местностей в города, аккумуляция подавляющего большинства прибывших на Урал мигрантов привела к резкому росту городского населения. По данным А.И. Кузьмина, миграционный приток на Урал в 1928 г. составил минус 16,1%, в 1936 г. – плюс 1,2%, в 1937 – плюс 26,3%. За десять предвоенных лет на Урале наблюдалось три волны миграции. Первая волна связана с раскулачиванием, вторая – с политическими репрессиями тридцатых годов, третья – с расширением границ СССР. По сведениям Рабоче-крестьянской ин-

спекции (РКИ), для работы в уральской промышленности и на новостройках из колхозов ушло за один только 1931 г. более 300,0 тыс. чел. Миграционный прирост населения Урала в 1930-е гг. превысил естественный прирост почти в два раза.

Затронувшая Урал в 1930-е гг. коллективизация не позволила развивать натуральное замкнутое хозяйство семьи как главную основу рождения большого числа детей и, тем самым, обусловила сокращение многодетных семей на Урале. В 1930 – 1936 гг. в самые отдаленные северные территории Урала доставлялось со всего СССР раскулаченное крестьянство, до 27% которого (по оценке Сулова А.Б.) погибло в результате отсутствия элементарных условий проживания, массовых заболеваний и побегов. Только за 1930 – 1931 гг. на Урал было выслано 128,0 тыс. семей или более трети от общего числа раскулаченных спецпереселенцев по стране. Из них 32,7% семей прибыли с Украины, 26,0% – с Северного Кавказа, 9,1% – из Белоруссии, 7,8% – из Татарии, 7,3% – из других районов страны [1]. На начало 1932 г., по данным Матревича В.П. [4], на учете в СССР состояло 1,8 млн спецпереселенцев из числа бывших кулаков. Из них 484 тыс. или каждый четвертый были размещены в Свердловской области, которая стала главным районом в СССР размещения раскулаченных крестьян.

Такие явления аграрной политики советского государства, как продразверстка и коллективизация, оказали особое влияние на трансформацию традиционной (крестьянской) семьи, что привело к нарушению у населения функций ответственности за землю, за труд на земле, развитие хозяйства и производства. Отказ крепких хозяйств (кулаки и середняки, располагавшие к концу 1920-х гг. 78,7% посевных площадей, производившие 79,2% валовой продукции и 79,7% товарной продукции на Урале) от сельскохозяйственных работ, самораскулачивание (поджог домов, уничтожение посевов и скота, порча зерна), самоубийства, побег в города приводило к распаду семей, подрыву их экономического потенциала, изменению привычного, веками складывающегося, образа жизни.

«Опорой советской власти на Урале в борьбе с кулаками и середняками стала «беднота» - батрачко-бедняцкая прослойка выходцев из других областей СССР, создавших обстановку вседозволенности и отсутствия каких бы то ни было нравственных запретов» [7]. К началу 1930 г., по данным Серебряковой И.Г., 74% крестьянских хозяйств в Свердловской области были коллективизированы. Самый высокий уровень отмечался в Ирбитском и Тагильском округах, где в большей степени проявились произвол и насилие. Вместе с тем, образовавшиеся коллективные хозяйства не отличались качественным уровнем труда, поскольку большую их часть составляли бедняки и батраки, не привыкшие к постоянному и интенсивному труду в силу прежнего образа жизни и надеявшиеся на обеспечение государственных гарантий, независимо от собственного трудового вклада. Так начала формироваться

тенденция потребительских и иждивенческих настроений среди сельского населения региона, отдаленные последствия которой особо ярко проявились в переломный для страны период – начало 1990-х гг.

Активная, решительная часть крестьянства на Урале к 1932 г. была уничтожена либо нейтрализована, в крестьянской среде была сформирована «приспособленческая система поведения», «характеризующаяся двойственностью как в восприятии и понимании происходящего, так и в поведении и поступках. Неизбежный в условиях отсутствия самостоятельности и инициативы психологический дискомфорт, испытываемый большинством сельских тружеников, оказывал негативное влияние на их поведение, поступки, решения. Искажались нормы традиционной крестьянской этики, происходила деморализация большей части населения деревень. Показателями такого состояния стали отказы крестьян от опеки над детьми-сиротами, усиление пьянства, рост преступности, в том числе и детской, воровство, сознательное уничтожение коллективной собственности и скота, расхищение церковного имущества. В условиях голода 1933 г. многие крестьяне саботировали уборку урожая, что противоречило логике выживания, установкам крестьянского менталитета на выживание» [7].

Кроме того, исключение из жизни крестьян (вследствие преследования открытого проявления веры и уничтожения православных церквей) традиций, обрядов, привычек привело к тому, что веками складывающееся мировоззрение и мировосприятие постепенно разрушалось, трансформировались крестьянская мораль и нравственность. Преследования крестьянства вызвали первую волну оттока населения из сельской местности, привлечения его в новые отрасли промышленности и строительства. На протяжении всей истории советского государства доля крестьянства уменьшалась, что привело к утрате самоидентичности крестьянина как главного кормильца, уничтожению главного качества крестьянина – ответственности за себя и свою семью (Таблица №1, 3).

Таблица №1

Удельный вес сельского населения на Урале (в процентах)

Годы / доля сельского населения				
1926	1939	1959	1970	1983
79,3	40,4	24,0	19,3	14,1

Также, свое отсроченное по времени влияние на общественное сознание и поведение жителей области оказала специально воспроизводимая органами НКВД-МВД «психология зависимости» спецконтингента (ссылных, репатриированных, раскулаченных) - «особого слоя советского зависимого населения» [7]. Вследствие неопределенного и незакрепленного характера пребывания в навязанной социальной роли, лишенной прав, свобод и привилегий, его представители превратились, по словам А.Б. Сулова «в наиболее маргинализованный слой, лишенный связей с родными и близкими, оторванный от собственности и жи-

лица». Для представителей этого слоя, а также их потомков, характерны ограничения вертикальной социальной мобильности, т.е. возможности продвижения вверх по социальной лестнице, атрофирование чувства социальной ответственности за себя и свою семью, формирование социальной пассивности, что также повлекло за собой формирование пассивных и иждивенческих настроений в обществе.

Резкий подъем смертности на Урале в годы Великой Отечественной войны (максимум – в 1944 г.) объясняется помимо трудностей военного времени, высоким уровнем смертности в госпиталях Свердловска и подъемом уровня смертности в деревнях Свердловской области в 1944-1945 гг. (Таблица №2, [6, с.42]). Только от дистрофии в Свердловской области в 1944 г., по данным В.Ф. Зимы, умерло 17,0 тыс. чел. [6, с.42]. В годы войны были отмечены в Свердловской области и случаи людоедства на почве голода среди рабочих и колхозников. Рост заболеваемости сыпным и европейским возвратным тифом, наблюдавшийся с начала войны, достиг своего апогея в 1944 – 1945 гг., чему способствовали эвакуация, спецпереселения и увеличившиеся на Урал миграционные потоки.

Таблица №2

**Анализ показателей смертности населения на Урале
в 1924-1949 годах (в процентах)**

Год	Смертность	Естественный прирост	Год	Смертность	Естественный прирост
1924	27,0	24,0	1943	29,3	-13,6
1925	28,2	14,8	1944	66,1	-34,8
1926	21,4	24,8	1945	32,3	19,2
1939	21,2	16,2	1946	12,3	18,0
1940	21,2	11,9	1947	15,7	13,0
1941	20,9	12,9	1948	12,8	11,5
1942	33,2	-13,2	1949	10,8	20,8

Вместе с тем, послевоенные показатели смертности населения региона увеличиваются, в первую очередь, за счет несчастных случаев, отравлений, травм и самоубийств, достигают своего максимума в 1947-1948 гг. (1947 г. – 18,5%, 1948 г. – 16,7%), сводятся к минимуму в 1956 г. – 7,0 и держатся на минимальных отметках (7,3 - 8,5%) до конца 1970-х гг., после чего происходит ежегодный рост показателей смертности в регионе, достигший своего максимума в 2003 г. – 17,3% (что практически соответствует уровню 1943 и 1944 гг.). Естественный прирост населения в 1940 г. составлял 11,9% (в РСФСР – 12,4%), в 1950 г. – 19,8% (в РСФСР – 16,8%).

При этом, исследователи указывают на полный провал рождаемости в «яму войны» [2, с.19] с наименьшими показателями в 1943 – 1945 гг. (1943 г. – 11,6%, 1944 – 10,4%, 1945 г. – 14,6%). Абсолютное число родившихся на Урале, по данным В.Ф. Зимы, сократилось за 1940 – 1944 гг. с 537,8 тыс. новорожденных до 144,8 тыс. новорожденных, т.е. в 3,7 раза. При этом, в городах рождаемость сократилась с

185,1 тыс. до 62,5 тыс. новорожденных или в 3 раза, а в деревнях – с 352,7 тыс. до 62,5 тыс. новорожденных или в 4,3 раза [6, с.54]. Если данные за 1940 г. принять за 100%, то число родившихся в 1941 г. составило 94, в 1942 г. – 60, в 1943 г. – 32, в 1944 г. – 26,9%. Кривая рождаемости поднимается вверх только в 1946 г. и достигает своего максимума в начале 1950-х гг. (1946 г. – 32,0%, 1951 г. – 32,5%).

Исходя из исторически сложившихся особенностей Свердловской области как промышленного района СССР, главной идеологической составляющей реализации государственной политики в 1960 – 1970-е гг. является рассмотрение семьи как поставщика будущей рабочей силы для многочисленных промышленных предприятий. С этой целью активно поддерживаются (материально и морально) семейные трудовые династии на крупных промышленных предприятиях (Уральский завод тяжелого машиностроения - УЗТМ, Машиностроительный завод имени М. Калинина - ЗИК, завод Уралэлектротяжмаш – УЭТМ, Верх-Исетский металлургический завод – ВИЗ и другие). При этом, численность сельского населения продолжает уменьшаться: удельный вес занятых в промышленности составляет в 1979 г. 39,6% (в 1959 г. – 34,2%), для сравнения – в сельском хозяйстве в 1979 г. – 15,5% (в 1959 г. – 27,5%).

В 1980-е гг. в Свердловской области особо негативное влияние на социально-экономическое развитие села играет деформация брачно-возрастной структуры села, вызванная оттоком девушек в возрасте 15-19 лет в город. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., на территории Свердловской области в группе лиц 15-19 лет в сельской местности на 100 девушек приходилось 174 юноши (в 1970 г. – 120 юношей, в 1979 г. – 149 юношей) [6, с. 57]. В результате чего, произошел поло-возрастной «перекос» в системе «город-село», выразившийся в недостатке женщин репродуктивного возраста на селе («дефицит невест») и их «переизбытком» в городе. Что привело к усугублению ситуации в формировании и функционировании семьи в Свердловской области в 1980-е гг., в том числе к росту внебрачной рождаемости. По данным А.И. Кузьмина, доля внебрачных рождений у женщин до 20 лет в 1989 г. составляла 26,9% от общего количества рождений.

Кроме того, миграция населения продолжала оставаться на Урале одним из главных факторов, сдерживающих рост численности населения. За период между двумя переписями населения 1979 г. и 1989 г. население Урала выросло всего на 4,6% против 7,1% по РСФСР и 9,4% по СССР. За этот период регион потерял около 500,0 тыс. чел. вследствие оттока населения. Отрицательное сальдо складывалось, прежде всего, за счет интенсивной миграции из сельской местности.

В конце первого десятилетия XXI в. Свердловская область вступила в новый этап своего развития, обусловленный, в первую очередь, перераспределением полномочий между центром и регионами и, соответственно, изменением региональной системы управления, а также фор-

мированием нового социально-экономического облика региона, связанного с территориальной концентрацией новых, быстро растущих отраслей региональной инфраструктуры, на фоне продолжающегося упадка и застоя многих традиционных отраслей экономики, деконцентрации и общего замедления темпов роста населения многих областных городов и сельских населенных пунктов.

В ситуации глобальной экономической нестабильности последних лет, негативно отразившейся на положении большинства российских регионов, в том числе и Свердловской области, возникает реальная опасность в процессе реализации государством мер, направленных на поддержание экономики, игнорировать интересы и потребности населения. Свердловская область, являясь крупнейшим промышленным регионом (40% в структуре валового регионального продукта занимает производственный комплекс, что на 10% больше, чем в целом по стране), относится к числу субъектов РФ с ярко выраженным индустриальным характером экономики и дисбалансом в развитии социальной и производственной сферы в пользу последней.

Вместе с тем, в соответствии с актуализированным вариантом Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на период до 2020 года (2010 г.), переход от экспортно-сырьевого к инновационному социально ориентированному сценарию развития Свердловской области предполагает примат социальных, материальных и духовных интересов ее населения, что ведет к повышению качества человеческого капитала как главного фактора регионального роста.

В соответствии с инновационным сценарием развития, Свердловская область должна обеспечить единство экологических, социальных и экономических условий повышения качества жизни нынешних и будущих поколений граждан на всей территории региона, преодолев негативный тренд внутрирегиональной асимметрии развития муниципальных образований; стать мультимодальным инфраструктурным центром, связывающим и распределяющим людские, финансовые, информационные, грузо-пассажирские потоки между Европой и Азией; достичь основных макроэкономических показателей стран «Большой семерки» уровня 2020 г. по минимальному варианту прогноза их развития. А это, в свою очередь, требует обеспечения благоприятных условий для преодоления негативных демографических тенденций.

На наш взгляд, особый акцент требуется сделать на совершенствовании процессов управления региональными ресурсами, что в условиях нарушения сбалансированности развития муниципальных образований Свердловской области является архиактуальной задачей, поскольку приводит к внутрирегиональной асимметрии в обеспечении качества жизни граждан, проживающих в различных муниципальных образованиях. Требуется снижение уровня пространственной и целевой «концентрации» ресурсов в крупных региональных центрах и создание

условий для более равномерного их распределения по территории области, в том числе и в так называемых депрессивных сельских населенных пунктах, расположенных, как правило, в восточных и северных районах Свердловской области.

Проблема возрождения села, о решение которой в последние годы сломали немало копий, требует глубокого, не усредненного подхода. Поскольку только анализ региональной специфики развития, учитывающий исторические аспекты, позволяет предлагать взвешенные подходы, не ограничивающиеся исключительно финансовыми расчетами, а обеспечивающие собственно региональные интересы, исходя из особенностей региона как субъекта Российской Федерации. Ведь территория региона – это пространство, которое обладает и природными и социальными характеристиками, является одновременно и объектом и субъектом социальной деятельности. Именно интеграция природно-географических, административно-политических, социально-экономических и историко-культурных особенностей позволяет рассматривать регион как коллективный субъект, обладающий такими свойствами, как: идентичность, целостность, управляемость, самоорганизация и воспроизводство, характеризующийся определенной культурой, ментальностью и поведением населения. Что, по нашему мнению, и может обеспечить, с одной стороны, сохранение историко-культурной идентичности региона, а с другой- его успешную интеграцию в иерархии социальных отношений и взаимодействий при решении той или иной социально-экономической проблемы.

Библиографический список:

1. *Бальжанова Е.С.* Православие в жизни русских крестьян Среднего Урала (19-начало 20 веков). Автореф. дисс. к.ист.н. – Екатеринбург, 2006.
2. *Кузьмин А.И.* Семья на Урале: Демографические аспекты выбора жизненного пути. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993.
3. *Личман Б.В.* Урал: Политика и индустрия (социально-демографическая и квалификационная характеристика работников индустрии во второй половине 20 века). – Екатеринбург, 1992.
4. *Мотревич В.П.* Историческая демография России. – Екатеринбург, Изд-во Уральского университета, 2000.
5. *Мокеров И.П., Кузьмин А.И.* Экономико-демографическое развитие семьи. – М.: Наука, 1990.
6. Население Урала: 20 век. История демографического развития./А.И. Кузьмин, А.Г. Оруджиева, Г.Е. Корнилов. – Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 1996.
7. *Серебрякова И.Г.* Социальная психология крестьянства Урала в период сплошной коллективизации (1929-1933 годы). Автореф. дисс. к.ист.н. – Екатеринбург, 2006.
8. *Суслов А.Б.* Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х годов XX века. Автореф. дисс. д.ист.н. – Екатеринбург, 2004.